

Михаил Волконский

БРАТ ГЕРЦОГА

Москва, 2017

УДК 82-311.6
ББК 84-4
В67

Волконский, М. Н.

В67 Брат Герцога / М. Н. Волконский. – М. : T8RUGRAM, 2017. – 270 с.

ISBN 978-5-521-05203-5

М. Н. Волконский (1860–1917) – беллетрист, драматург, главный редактор журнала "Нива", которого по праву называли "русским Дюма". Развивая "авантюрную" линию исторического романа, он сочетал в своих произведениях занимательную интригу, быстроту и энергичность действия, лёгкий изящный слог, ощущение таинственности и мистичности. В центре его произведений – "неофициальная история" XVIII века, разгадать которую возможно лишь спустя многие годы.

Роман «Брат герцога» повествует о триумфе и падении генерал-аншефа Густава Бирона, фаворита русской императрицы Анны Иоанновны, – удачливого в службе, но несчастливого в любви. Герои книги попадают в сложный переплёт событий и заставляют читателя сопереживать им с первых же страниц, удерживая в напряжении до последних строк!

УДК 82-311.6
ББК 84-4
ВІС НВТ
BISAC FIC014000

ISBN 978-5-521-05203-5

© T8RUGRAM, оформление, 2017

Содержание

Часть первая	7
I. Странная свадьба.....	7
II. Кто была невеста	10
III. Лавровый венок	13
IV. Баронесса Шенберг	16
V. Тетка и племянница	21
VI. Придумали	24
VII. В Аустерии	29
VIII. Слово и дело.....	32
IX. Счастливый человек.....	36
X. Два брата	41
XI. Оправдания герцога.....	44
XII. Семейное дело	48
XIII. Ты, Felix Austria, Nube.....	51
XIV. Идиллия.....	55
XV. Указ тайной канцелярии	59
XVI. I княгиня Чарыкова-Ордынская	62
XVII. Князь Чарыков-Ордынский	66
XVIII. Душа проснулась.....	69
XIX. Князя Бориса вспомнили.....	72
XX. Старое бюро.....	75
XXI. В тайнике	78
XXII. Встреча.....	80
XXIII. Кузьма Данилов	82
XXIV. Первая служба.....	85
XXV. Машкерад.....	88
XXVI. Маски долой	91
XXVII. Розовое домино.....	95
XXVIII. Гончая на следу	97
XXIX. Муж	100

XXX. Охотник и его собака	105
XXXI. Барин и слуга.....	109

Часть вторая 112

I. Приятель	112
II. Иоганн Миних	115
III. Волосок.....	119
IV. Покровитель	122
V. Записка Миниха.....	125
VI. Допрос	127
VII. три сестры.....	131
VIII. Змея подколотная	134
IX. На воле.....	138
X. Поймали!	142
XI. Гнев герцога	145
XII. Вина Наташи	147
XIII. Оскорбленное самолюбие.....	151
XIV. Свободное сердце.....	154
XV. Городские слухи.....	157
XVI. Тень надежды	160
XVII. Во дворце.....	162
XVIII. Розовая кокарда.....	165
XIX. У гроба государыни.....	169
XX. Регент.....	171
XXI. Траур	174

Часть третья..... 177

I. Старый дом.....	177
II. В летнем саду.....	180
III. Человек	184
IV. Голод — не тетка	186
V. Те же и иволгин	189
VI. Официальный визит.....	192
VII. Сон Анны Леопольдовны.....	198
VIII. Как волка ни корми.....	202
IX. Продавец амулетов.....	206

X. В карауле.....	210
XI. Детки.....	212
XII. Письмо.....	216
XIII. Ловушка.....	219
XIV. Заговор.....	223
XV. Пятьдесят целковых.....	225
XVI. Граф Остерман.....	229
XVII. Жених и невеста.....	233
XVIII. Тревожная ночь.....	236
XIX. Происшествие.....	239
XX. Во дворце.....	244
XXI. У камина.....	247
XXII. Мечты и награды.....	250
XXIII. Обвинение биронов.....	253
XXIV. Все кончено!.....	254
XXV. Объяснение.....	258
XXVI. Аудиенция.....	260
<i>Эпилог</i>	263
I. В деревне.....	263
II. Зимний гость.....	266

Часть первая

I. СТРАННАЯ СВАДЬБА

К церкви Сампсония Странноприимца, что на Выборгской стороне, подъехала тяжелая, в шесть стекол, запряженная четверкою цугом карета с гербами рода Олуньевых на дверцах.

Был исключительно теплый, как нарочно выдавшийся, августовский вечер, какие редко бывают в сыром Петербурге в это время года. Косые лучи заходящего солнца, словно жалея расстаться с потухавшим теплым днем, обдавали красным светом все широкое пространство, далеко видимое кругом.

Церковь стояла на окраине города, почти не заселенной, с бесконечными пустырями, среди которых только изредка попадались маленькие мазанки. Тем страннее было видеть в этой чуждой всякой роскоши местности богатую карету, остановившуюся у церкви.

Да и церковь была, по тогдашним временам, совсем особенная, окруженная надмогильными крестами, простыми, сосновыми, хоть вокруг нее и не было отведено участка под постоянное кладбище. Эти кресты стояли на могилах, подойти к которым боялись даже самые смелые.

Могилы принадлежали умершим страшною смертью на эшафоте или в застенке. Тут хоронили казненных преступников. Были тут еще свежие могилы Волынского, Еропкина и Хрущова, сложивших около двух месяцев тому назад свои головы на плахе.

Из кареты вышла, поддерживаемая двумя гайдуками, откинувшими подножку, полная видная барыня с властным, резким лицом, по чертам которого сразу становился ясен ее характер. Орлиный нос, выдающийся подбородок, густые, почти сросшиеся брови и черные, быстрые, не по годам живые глаза обличали в ней женщину своевольную, привыкшую к подчинению себе окружающих.

За ней гайдуки почти вынули и внесли на руках в церковь молодую девушку в белом подвенечном платье, с фатою на голове. Она была бледна и, казалось, не сознавала того, что происходило вокруг.

Когда они вошли в церковь, стройный хор, поместившийся на клиросе, в парадных кафтанах певчих, видимо, не принадлежавших церкви, но нанятых за большие деньги, запел встречу.

Церковь была совсем пуста. Ни гостей, ни посторонних любопытных тут не было. Гайдуки, стоявшие у растворенных дверей церкви, не пускали никого, да и никого почти не было в это время в этой глухой, забытой части Петербурга.

Невесту подвели к разостланному ковру, и от группы стоявших у стенки мужчин отделился один и стал возле нее.

Это был молодой еще человек. Его высокий лоб, прекрасные темные глаза, правильный нос и тонкие, красиво очерченные губы, слегка улыбавшиеся под усами, казалось, не могли принадлежать человеку происхождения низкого. Он держался прямо, осанисто, руки его были белы, и ноги, несмотря на стоптанные башмаки с откровенными заплатами, показывали в нем породистость. Но одет он был очень странно. Он был простоволос — без парика, что, впрочем, служило ему в пользу. Его темные густые волосы красиво вились и падали почти до плеч, по старому, бывшему еще при Петре в моде обыкновению. Кафтан на нем тоже казался давно вышедшим из моды. Этот потертый по швам, с не везде целыми пуговицами кафтан лоснился и выцвел. Галун на камзоле почернел и протерся. Чулки были заштопаны, и на правом колене ясно виднелась заплатка.

Но, несмотря на свой наряд, а может быть, именно вследствие него, он как-то подчеркнуто гордо подошел и стал на свое место, словно хотел показать всем, что нисколько не стыдится своих заплат и своего потертого кафтана. Подойдя, он оглядел невесту очень внимательно с ног до головы, как человек, который первый раз в жизни видит ее.

Она была очень хороша. Вся ее прелесть заключалась в необыкновенной миловидности и какой-то наивной моложавости чуть ли не детского, невинного личика. Она стояла с опущенными ресницами, бледная, в полубморочном состоянии. Ее поддерживали сзади под руки.

Жених оглядел ее, отвернулся, но его глаза опять невольно скозились в ее сторону.

Священник быстро, скороговоркою начал обряд венчания.

Все казались как-то сконфуженными, боявшимися взглянуть в глаза друг другу и торопились; только привезшая невесту барыня вошла и стала с гордым сознанием правоты и необходимости того, что происходило теперь, да жених не казался смущенным, потому что, видимо, ничто в жизни не могло смутить его. Было что-то как будто наглое и дерзкое в его походке и выражении, когда он, отделившись от остальных, подошел к ковру, но при первом же взгляде его на невесту это выражение исчезло и сменилось равною, спокойною задумчивостью. Рука его дрогнула, когда, меняясь кольцами, он коснулся ее тонких, почти прозрачных пальцев; а она как будто и не чувствовала этого прикосновения.

Священник торопился, но венчание, казалось, тянулось все-таки целую вечность. Наконец он взял венчающихся за руки и повел их к аналою. У аналая, как следует, лежал розовый шелковый плат, и они вступили на него.

Еще беспокойнее, еще торопливее заговорил священник, и еще ниже опустилась головка той, которая стояла теперь в подвенечном платье перед аналоем.

В этом движении головы единственно промелькнул проблеск сознания в ней. Во всем остальном она была безучастна. Она вовсе не ответила на вопрос. Впрочем, священник задал его так быстро, как будто и не ждал ответа. Она едва передвигала ноги, когда шла под венцом; она не коснулась губами поднесенной ей чаши и, когда кончилось венчание, послушно отдалась в руки, перенесшие ее обратно в карету. Во все время церемонии она ни разу не подняла глаз.

Барыня, приехавшая с нею, гордо и важно последовала к карете; ее посадили те же гайдуки, усадившие туда «молодую»; подножка закинулась, хлопнула дверца, гайдуки вскочили на свои места, и карета, тронувшись, закачалась на высоких рессорах.

Затем показался на паперти «молодой». Он вышел, приостановился, поглядел вслед удалявшейся карете и, надвинув крепко на голову порыжелую шляпу, пешком отправился в город.

В этот день в метрические книги Сампсониевской церкви была занесена запись о бракосочетании князя Бориса Андреевича Чарыкова-Ордынского с девицею Наталией Дмитриевной Олуньевой.

II. КТО БЫЛА НЕВЕСТА

Только старуха Олуньева, известная всему Петербургу под именем Настасья бой-баба, могла задумать, начать и привести в исполнение то, что произошло на ее глазах в церкви Сампсония.

Настасья Петровна Олуньева, дожившая безбрачно до старых лет, была одною из влиятельных фрейлин царствующей императрицы. Императрица Анна Иоанновна любила слушать рассказы про старину и про нынешнее время, и никто, как Олуньева, не умел угодить ей рассказами. Ни у кого не было такого запаса воспоминаний, как у нее, и никто не умел с таким поистине прирожденным талантом собрать ходившие по городу сплетни и преподнести их в целом ряде историй, одна другой занимательнее. Редкий вечер проходил без того, чтобы Настасья Петровна не являлась к государыне. Она становилась перед нею, и тогда откуда что бралось у нее.

Олуньева много видывала на своем веку. Прозвание бой-бабы, несмотря на то что постоянно оставалась в девах, получила она еще при покойном императоре Петре I, при котором исполняла даже какую-то должность на учрежденном им «всеобщейшем» соборе. Затем она сумела устроиться и удержаться при дворе, благополучно выплыв из всех разнообразных течений, беспрестанно сменявшихся и уносивших многих с собою. Она была в почете при дворе Екатерины I, ладила с Меншиковым, потом была в дружбе с Долгоруковыми и осталась цела после их падения. Анне Иоанновне она сумела услужить, когда та, еще незначительною герцогиней Курляндской, приезжала в Петербург хлопотать по разным делам своим.

И теперь Олуньева являлась в придворном мире лицом, с которым приходилось считаться. Языка ее боялись и перед нею заискивали. Сам всемогущий Бирон находил нужным ласково относиться к бой-бабе Настасье.

Главная сила Олуньевой заключалась в ее известной всем смелости. Она, по-видимому, не боялась никого, и потому другие боя-